

ГЛАВНЫЙ ПОЛДЕНЬ

Часть первая, рассказанная Алешей Соколовым

УТРО

Федя-гитарист

В тот день с утра было очень жарко и солнечно. От жары я проснулся рано, позавтракал вместе с матерью и рано, задолго до восьми, пошел в школу. Помню, как на проспекте сильно, терпко пахло тополевыми чешуйками, и липы были дымные, светло-зеленые, и солнце горело в витринах универсама. Дверь магазина была заперта, но Федя-гитарист уже сидел на ступеньках со своей гитарой и жмурился. Я еще подумал, что на молокозаводе кончилась ночная смена и Федя прямо с работы явился на свидание с Неллой, продавщицей из обувной секции. Я прошел по другой стороне улицы, свернул за угол, к школе, и тогда уже удивился — не такой он человек, Федя, чтобы сидеть и ждать. Он лучше встретит девушку около дома и проводит с громом, с гитарой — э-эх, расступись!.. Он такой парень. Утро, вечер — ему все ни по чем. Я думал о нем и улыбался, потому что мне такие люди нравятся. Потом я стал думать, удастся ли днем, после школы, накопать червей для рыбной ловли.

Я прошел по пустой лестнице, положил портфель и посмотрел в окошко.

Федя-гитарист по-прежнему сидел на ступеньках универсама и держал на вытянутых руках гитару. Понимаете? Он

ее рассматривал и хмурился: что это, мол, за штука? Пожал плечами. Взял несколько аккордов и еще раз пожал плечами. Потом он стал притопывать ногой и с удивлением смотрел на свой ботинок, заглядывая сбоку, на петушиный манер, — гитара ему мешала.

Я опять заулыбался — наш знаменитый гитарист будто заново учился играть на гитаре. Выдумает же — забавляться так чудно и в такую рань!

Минуты через две-три у универмага появился заведующий почтой. Федя его окликнул. Мне через стекла не было слышно, что сказал Федя-гитарист, но заведующий почтой свернул и подошел к ступенькам.

И тогда произошло вот что. Заведующий сделал неверный шаг, двумя руками схватился за грудь, сразу выпрямился, опустил руки и зашагал дальше, не оглядываясь. Через полминуты стеклянная дверь почты открылась, заведующий скрылся за ней, а потом до меня долетел резкий стук закрывающейся двери. Федя сидел, словно ничего не произошло, и постукивал по гитаре костяшками пальцев. А я уж смотрел на него во все глаза: что он еще выкинет? На улице сталолюдно — шли служащие на работу, из подъездов выскакивали ребята и мчались к школьному подъезду. До звонка оставалось всего пять минут. Степка, торопясь, сдувал с моей тетради задачки по геометрии. Я смотрел, значит, целых полчаса, а Федя все сидел, опустив гитару к ноге, и равнодушно жмурился на прохожих. И вдруг он поднял голову... Тяжко подрагивая при каждом шаге, к почте торопился седой грузный телеграфист, важный, как генерал. Он всегда проходил мимо в это время, всегда спешил и перед угловой витриной универмага смотрел на часы и пытался прибавить шагу. Он весит килограммов сто, честное слово! Именно его Федя выбрал из всех прохожих и что-то ему говорил, просительно наклоняя голову. Тот обернулся — даже его спина, туго обтянутая форменной курткой, выражала недовольство.

Я приподнялся. Старый телеграфист будто налетел на невидимую веревку. Нырнул всем корпусом, просеменил и остановился, схватившись обеими руками за грудь. Я думал, он упадет. Гитарист равнодушно смотрел на свой притопывающий ботинок, не приподнялся даже, скотина такая! Старик же мог насмерть разбиться о ступеньки. К счастью, он не упал — выпрямился и как будто взял у гитариста что-то белое. И сразу пошел дальше прежней походкой. Хлопнула дверь почты, только солнце уже не блеснуло в стекле. А Федя-гитарист встал и пошел прочь. Гитара осталась на ступеньках.

Я оглянулся — учителя еще не было — и прыгнул через скамьи прямо к двери. Кто-то вскрикнул: «Ух!» — я вылетел в коридор и ходом припустился вниз, торопясь проскочить мимо учительской, чтобы вдруг случайно не встретиться с Тамарой Евгеньевной.

Звонок заливался вовсю, когда я выбежал из подъезда. Улица казалась совсем другой, чем сверху, и гитары не было на ступеньках универмага. Я пробежал вперед, на газон между тополями, и увидел совсем близко Федю — он успел вернуться за гитарой и опять отойти шагов на двадцать. Черный лак инструмента отражал все, как выпуклое зеркало на автобусах: дома, деревья, палевый корпус грузовика, проезжающего мимо. И меня, а рядом со мной кого-то еще. Я оглянулся. Рядом со мной стоял Степка, совершенно белый от волнения.

Такси

— Ты что? Тревога? — спросил Степка.
— С ним что-то неладно. — Я кивнул на спину гитариста.

— С Федором? А тебе-то что за дело? Ну и псих...

Я не знал, как быть. Мы торчали посреди улицы, где любой учитель мог нас взять на карандаш и завернуть обратно

в школу. А гитарист удалялся по проспекту вниз, к Синему Камню — это у нас поселок так называется, два десятка домов за лесопарком. Тут выглянула из школы техничка тетя Нина, и мы как зайцы дунули через улицу.

Гитарист неторопливо вышагивал по длинным полосам тени, здоровался со знакомыми, встряхивал чубом. Мы шли за ним. Зачем? Я этого не знал, а Степка тем более. Он взъерошился от злости, но вел себя правильно — шел рядом и молчал. Так мы прошли квартал, до нового магазина «Фрукты — соки», перед которым стояло грузовое такси. Оно тоже было новое. Взрослые на такое не обращают внимания, а мы знали, что в городе появились два новых грузовых такси, голубых, с белыми полосами и шашками по бортам и с белыми надписями «таксомотор». Сур нам объяснил, почему «таксомотор»: когда автомобили только появились, их называли «моторами». Так вот, одно из новых такси красовалось у тротуара и уютно светило зеленым фонариком. Мордастый водитель сидел на подножке, насвистывал Федину любимую песню «На Смоленской дороге снега, снега...». Мы видели по гитаристовой спине, что он и такси заметил, и водителя, и свою «Дорогу» услышал и узнал отлично. Он небрежно вышагивал — высокий, поджарый, в черных брюках и рубашке и с черным инструментом под мышкой. Конечно, водитель с ним поздоровался. Федя остановился и сказал:

— А, привет механику!

Я подхватил Степку за локоть, и мы прошли мимо и остановились за кузовом машины. Степка молча, сердито выдернул локоть. Машина дрогнула, завизжал стартер... Я пригнулся, заглянул под машину и увидел ногу в черной штанине. Нога поднималась с земли на подножку. Это гитарист садился в кабинку. «Давай», — сказал я, и мы разом ухватились за задний борт, перевалились в кузов, под брезентовую крышу, пробежали вперед и сели на пол. Спинами мы прижимались к переднему борту, и нас не могли заметить из кабины.

АЛЕКСАНДР МИРЕР. Главный полдень

И машина сразу тронулась. Пока она шла тихо, я рискнул приподняться и заглянуть в окошечко — там ли Федя. Он был там. Гриф гитары постукивал о стекло.

Я прижал губы к Степкиному уху и рассказал о заведующем почтой, телеграфисте и вообще о Фединых фокусах. Машина ехала быстро. На ухабах нас било спинами и головами о доски борта. Поэтому, может быть, посреди рассказа я стал сам с собой спорить. Сказал, что я дурень и паникер и напрасно втянул Степку в историю. Конечно, Федя вел себя очень странно, да какое наше дело? Он вообще чудной. А я паникер.

Степка убрал ухо и сморщился. Он моей самокритики не выносит. Он показал, как играют на гитаре, и прошептал:

— А это он что — разучился? Ты видел, чтобы он гитару забывал?

Я зашептал в ответ, что после ночной смены можно голову позабыть, а не гитару. Что Феде просто надоело ждать Нелку. Он сидел, ему было скучно, и он шутил со знакомыми. Например, так: «А почту вашу ограбили». Почтари — будь здоров! — хватались за сердце. Потом он решил поехать Нелке навстречу, воспользовался своей популярностью и поехал на грузовом такси. Нормальное поведение. Друзей у него в городе каждый третий. Ну каждый пятый, не меньше...

— К Нелке поехал? — сказал Степка. — Она живет в обратной стороне вовсе. — Он подумал и добавил: — Хороши шуточки! А с гитарой на завод не пускают.

— Его везде пропустят.

— Это молокозавод, — сказал Степка. — Там чистота и дисциплина. А ты — идиёт.

Я все-таки рассердился:

— Ну, паникер, ну, шпионских книжек начитался, но почему я идиот?

— Потому. Федька вчера выступал в совхозе, в ихнем клубе. Загулял, наверно. А ты — лапша. Начал дело — доведи его до конца.

— Вот сам и доводи до конца,— окрылся я и полез к заднему борту, чтобы прыгнуть, но в эту секунду по кузову забарабанили камешки, машина резко прибавила скорость — кончился город, пошло шоссе. Мы слышали, как смеются в кабине те двое, а машина летела как реактивный самолет. Приходилось ехать дальше. Мы в два счета проскочили стадион, сейчас будет подъем, и там спрыгнем... В-з-з-з! — внезапно провизжали тормоза, машина встала, и мы ясно услышали голос гитариста:

— ...Пилотируешь как молодой бог. Будь здоров!

— Да что там! — говорил водитель.— Будь здоров!

Степка влепил кулаком себе по коленке... Здесь, на юру, из машины не вылезешь — кругом поле. Но гитарист небрежно сказал:

— А поехали со мной, механик... Здесь рядом. Покажу такое — не пожалеешь.

Степка развел и сложил ладони: ловушка, мол... Я кивнул. Мы ждали, выкатив глаза друг на друга. Удивительно был прост этот «механик»! Он только проворчал:

— Поехать, что ли...

Дверца хлопнула, машина прокатилась до лесопарка и свернула на проселок.

Нас кидало в кузове, пыль клубами валила сзади под брезент. Зубы лязгали. Я чихнул в живот Степке. Но машина скоро остановилась.

— Пылища — жуть,— произнес Федин голос.— Топаем, механик?

Водитель не ответил.

— Э, парень, да ты чудак! — весело сказал Федя.— Сколько проехал, полста метров осталось... Ленишься? Езжай тогда домой.

— На «слабо» дураков ловят,— прошептал Степа.

Водитель шел неохотно, оглядывался на машину. Место было подходящее для темного дела — опушка елового

питомника. Елочки здесь приземистые, но густые и растут очень тесно. Сначала скрылся за верхушками русский хохол гитариста, потом голова шофера в грязной кепке.

Мы прыгнули в пыль, переглянулись, пошли. По между-рядью, по мягкой прошлогодней хвое. Впереди, шагах в двадцати, был слышен хруст шагов и голоса.

Еловый пень

Междурядье было недлинное. Еще метров пятьдесят — и откроется круглая полянка. Туда и вел Федя таксиста, причем их аллея попадала аккуратно в середину поляны, а наша как бы по касательной, вбок. Я было заторопился, но Степан махнул рукой, показывая: «Спокойно, без спешки!»

Эх, надо было видеть Степку! Он крался кошачьим шагом, прищурив рыжие глаза. Мы с Валеркой знали, и Сур знает, что Степка — настоящий храбрец, а что он бледнеет, так у него кожа виновата. На этом многие нарывались. Видят — побледнел, и думают, что парень струсил, и попадают на его любимый удар — свинг слева.

Значит, Степка, такой белый, что хоть считай все веснушки, и я — мы проползли последние два-три метра под еловыми лапами и заглянули на поляну.

Солнца еще не было на поляне. Пробивались так, полосочки, и прежде всего я увидел, как в этих полосах начищенными монетами сияют ранние одуванчики. Две пары ног шагали прямо по одуванчикам.

— Ну вот, друг мой механик, — говорил Федя. — Видишь ли ты пень?

— Вижу. А чего?

— Да ничего. Замечательный пень, можешь мне поверить.

— Пе-ень? — спросил шофер. — Пень, значит... Так... Пень... — Он булькнул горлом и проревел: — Ты на него смотреть меня заманил... балалайка?

— А тише,— сказал Федя.— Тише, механик. Этого пенечка вчера не было. Се ля ви.

— «Дя ви»? — визгливо передразнил шофер.— Значит, я тебя довез. А кто твою балалайку обратно понесет? — заорал он, и я быстро подался вперед, чтобы видеть не только их ноги.— И кто тебя обратно понесет?

Федя сиганул вбок, и между ним и шофером оказался тот самый пенёк. Шофер бросился на Федю. Нет, он хотел броситься, он пригнулся уже и вдруг охнул, поднял руки к груди и опустился в одуванчики. Все было так, как с двумя предыдущими людьми, только они удерживались на ногах, а этот упал.

Впрочем, он тут же поднялся. Спокойно так поднялся и стал вертеть головой и оглядываться. И гитарист спокойно смотрел на него, придерживая свою гитару.

Я толкнул локтем Степана. Он — меня. Мы старались не дышать.

— Это красивая местность,— проговорил шофер, как бы с трудом находя слова.

Гитарист кивнул. Шофер тоже кивнул.

— Я — Угол третий. Ты — Треугольник тринадцать? — проговорил гитарист.

Шофер тихо рассмеялся. Они и говорили очень тихо.

— Он самый,— сказал шофер.— Жолнин Петр Григорьевич.

— Знаю. И где живешь, знаю. Слушай, Треугольник... — Они снова заулыбались.— Слушай... Ты водитель. Поэтому план будет изменен. Я не успел доложить еще, но план будет изменен, без сомнения...

— Развезти эти... ну, коробки, по всем объектам?

— Устанавливаю название: «посредник». План я предложу такой — отвезти «большой посредник» в центр города. Берешься?

Шофер покачал головой. Поджал губы.

АЛЕКСАНДР МИРЕР. Главный полдень

— Риск чрезвычайный... Доложи, Угол три. Я — как прикажут...

Степка снова толкнул меня. Я прижимался к земле всем телом, так что хвоя исколола мне подбородок.

— Меня Федором зовут, — сказал гитарист. — Улица Восстания, пять, общежитие молокозавода. Киселев Федор Аристархович.

Шофер ухмыльнулся и спросил было:

— Аристархович? — Но вдруг крикнул и закончил другим голосом: — Прости меня. Эта проклятая... ну как ее... рекуперация?

— Ассимиляция, — сказал гитарист. — Читать надо больше, пить меньше. Я докладываю. А ты поспи хоть десять минут.

Они оба легли на землю. Шофер захрапел, присвистывая, а Федя-гитарист подложил ладони под затылок и тоже будто заснул. Его губы и горло попали в полосу солнечного света, и мы видели, что под ними шевелятся пятна теней. Он говорил что-то с закрытым ртом, неслышно; он был зеленый, как дед Павел, когда лежал в гробу. Я зажмурился и стал отползать, и так мы отползли довольно много, потом вскочили и дали деру.

Далеко мы не убежали. У дороги, у голубого грузовика, спокойно светящего зеленым глазком, остановились и прислушались. Погони не было. Почему-то мы оба стали чесаться — хвоя налезла под рубашки или просто так — в общем, мы боялись чесаться на открытом месте и спрятались. Рядом с машиной, за можжевельником. Эта часть лесопарка была как будто нарочно приспособлена для всяких казаков-разбойников: везде либо елки, либо сосенки, можжевельник еще, а летом потрясающе высокая трава.

— Дьявольщина! — сказал Степка. — Они видели нас... Ох как чешется.

— Они — нас? И при нас всё говорили?

— Ну да,— сказал Степка.— Они понарошку. Чем нас гнать, отвязываться, они решили мартышку валять. Дьявольщина!.. Чтобы мы испугались и удрали.

— Хорошо придумано,— сказал я.— Чтобы мы удрали, а после всем растрезвонили, что шофер Жолнин — «Треугольник тринадцать». Тогда все будут знать, что он сумасшедший или шпион. Т-с-с!..

Нет, показалось. Ни шагов, ни голосов. Через дорогу, у обочины, тихо стоял грузовик. Солнце взбиралось по колесу к надписи «таксомотор».

— Да, зря удрали, выходит,— прошептал Степка.

Зря? Меня передернуло как от холода. Все, что угодно, только не видеть, как один храпит, отвалив челюсть, а второй говорит с закрытым ртом!

— Хорош следопыт! — фыркнул Степка.— Трясешься как щенок.

— Ты сам удрал первый!

— Ну, врешь. Я за тобой пополз. Да перестань трястись!

Я перестал. Несколько минут мы думали, машинально почесываясь.

— Пошли,— сказал Степка.— Пошли обратно.

Я посмотрел на него. Не понимает он, что ли? Эти двое нас пришибут, если попадемся. А подкрадываться не видя противника — самое гиблое дело.

— Они же шпионы,— сказал я.— Мы должны сообщить о них, а ты на рожон лезешь. Слышал — клички, пароли, «большой посредник»? А «коробки» — бомбы, что ли? Надо в город подаваться, Степка. Ты беги, а я их выслежу.

— В город погодим. Пароли... — проворчал Степан.— Зачем они сюда забрались? Допустим, весь разговор был парольный. А место что, тоже парольное? Кто им мешал обменяться паролями в машине?

— Ладно,— сказал я.— Главное, чтобы не упустить.

— У него, гада, ларингофон,— сказал Степка.— Понимаешь? В кармане передатчик, а на горле такая штука, как у

летчиков, чтобы говорить. Микрофон на горле. Дьявольщина! Кому он мог докладывать? Либо они мартышку валяли, либо шпионы. Здорово! И мы их открыли.

Я промолчал. По-моему, шпионы — гадость, и ничего хорошего в них нет. Выследили мы их удачно, только я, хоть убейте, не понимал, почему так переменялся шофер возле этого пенька... Был обыкновенный шофер и вдруг стал шпионом! Этот — «Угол третий» — с утра вытворял штуки, а шофер был вполне обыкновенный... Может, и «Смоленская дорога», которую он свистел, тоже пароль?

У Степана очень тонкий слух. Он первым услышал шаги и быстро стал шептать:

— Я прицеплюсь к ним, а ты лупи в город. К Суру. Там и встретимся.

Я прошептал:

— Нет, я прицеплюсь!

Но спорить было поздно. Затрещали веточки у самой дороги. Первым показался Федя — красный, пыхтящий, он тащил что-то тяжелое на плече. За ним потянулось бревно — второй его конец тащил шофер. Он пыхтел и спотыкался. Медленно, с большой натугой, шофер и Федя перебрались через канаву. Вот так здорово — они тащили пень! Тот самый, о котором говорилось, что вчера его не было, с белой полосой от сколотой щепы — знаете, когда валят дерево, то не перепиливают до конца, оставляют краешек, и в этом месте обычно отщепывается кусок.

Шофер открыл дверцу в заднем борту, и вдвоем они задвинули пень внутрь — машина скрипнула и осела. Чересчур он оказался тяжелым, честное слово...

Федя отряхнул рубаху. Гитара торчала за его спиной. Она была засунута грифом под брючный ремень, а тесьма куда-то подевалась. Я помнил, что утром тесьма была. Федя изогнулся и выдернул гитару из-под ремня, а шофер подал ему узелок, связанный из носового платка.